
Александр НЕХАЕВ

КАФЕ «ПОЕЗД»

Рассказ

— Добрый день, командир, про Архиповку знаешь?

— Слушай, а зачем заявление было писать? Без этого нельзя было? Может, объяснишь, в чем дело? Мне и без твоего хватает заявлений...

— Объясню. Конечно, объясню. Прошлый раз, когда в моем магазине стекла побили, заявление было? Твои должны были популярно, очень популярно, объяснить местной борзотё, что нельзя мои точки трогать. Или не знаете, кому объяснять? У тебя что — осведомителей нет? Участковому все перепоручил? Оказывается, это только я с тобой дружу, а тебе отрабатывать нашу дружбу необязательно. Тогда я буду с другими людьми...

— Сергей Николаевич, давай мы не будем горячку пороть, а я обещаю — сам во всем разберусь. Сам. Договорились? Найдем, накажем. Не надо так, сразу шашкой махать. Не будем нервничать. Договорились?

— Договорились.

Он, что — решил, что я ему деньги за просто так плачу? «Найдем, накажем». Подождем, посмотрим. Подержав телефон в руке, сунул его в карман брюк, а потом переложил в пиджак. Все-таки излучение — и так уже здоровье не то. Похудеть бы тоже не помешало. Ничего, в Архиповке шороху наведут, а я ментовскую крышу считаю более надежной. Надо будет управляющему сказать, чтобы в Архиповку наведался и по остальным моим точкам проехал. Надо, надо, чтобы контроль чувствовали.

Я подошел к окну, отбарабанил пальцами что-то похожее на марш, сделал несколько кругов вокруг стола. Возле зеркала, оставшегося от прежнего владельца офиса, остановился. Прежнему надо было стихи писать, а не в бизнесе крутиться. Да, вид сбоку, если втянуть живот, еще ничего. Я выдохнул. Внешность, конечно, не очень приметная. Меня мой нос картошкой раньше, в молодости, расстраивал. А теперь — нет. Конечно, не красавец, но главная сила и красота где? В бумажнике. В банке на счете, точнее. Денежки свои я сразу нес на второй этаж банка, мимо этой толпы на первом. Сумы другие, и поэтому меня там, вверху, обслуживают. А вот с лысой «новорусской» головой быть не хочется. А к тому и идет. И рекламам пышных выращенных причесок веры нет, когда видишь в ящике небедных лысых ведущих.

Снова подошел к окну. Беспокоило меня новое кафе. Зря я пошел на поводу у Юрича и дал себя уговорить. Чтобы я вкладывался в этот проект, было две причины: я знал, что к Юричу надо прислушиваться, хотя он иногда и хамит. Но он может делать деньги, поэтому его и держу. Если быть точным, это кафе — не его идея.

Александр Алексеевич Нехаев родился в 1949 году в г. Снежное Донецкой области УССР. Образование среднетехническое (Новочеркасский геологоразведочный техникум). Публиковался в журнале «Южная звезда». Живет в г. Буденновске.

Вторая причина — театр, черт бы его побрал. Она меня таскала на спектакли, а потом спрашивала: «А ты понял, почему она так с ним себя вела? А чья игра тебе больше всего понравилась? А ты понял, зачем вообще этот спектакль?» Мне больше всего нравился мужик, который пьяного играл. Этот артист мне нравился. Юрич об этом знал и как-то сообщил, что теперь он работает у нас. Из театра его выперли за пьянство, хотя сам артист называл это «настоящей работой».

Началось с того, что Юрьевич, мой управляющий — я его зову короче: Юрич, — придумал простую вещь: он в Интернете поместил объявление-конкурс на лучший бизнес-проект. А я определил премию в три тысячи. И когда он спросил, какой дурак мне денежную жилу отдаст за такие деньги, я ему объяснил, что дурак и отдаст. И, похоже, был прав. Поначалу проект хотел назвать «Кафе „Театр“». Раисе сказал, что это я придумал. Но она посоветовала назвать по-другому. Так и появилось это название: «Кафе „Поезд“». Юрич идеей воспламенился, договорился в депо под Ростовом за спи-санный вагон, перегнал его сюда по жэдэ, а тут, на месте, было уже проще. Да где же его черти носят, этого Юрича?

Я наблюдал, как у входа курит охранник Витька. Иногда бывают разные поручения, которые он когда сам, когда со своими дружками выполняет. Надо кого-то под рукой иметь. Витька — сын моего водителя Василия Петровича. Поэтому Витьку иногда зову Виктором Васильевичем — смехота, конечно. Но Юрич убедил, что я не «новый русский», а бизнесмен нового поколения и имиджу должен соответствовать. Может, пошутил? Ну и ладно, за это не платить. Витька мне обязан: я его когда-то от ментов прикрыл. Но дело как прикрыли, так и открыть можно. И «терпила» может вспомнить, что он травмы до падения получил.

Сколько ж его ждать?! От нечего делать полил стоящий в углу хлорофитум. Хорошее растение, выносливое. Раскинул в разные стороны стрелки-усы с розетками: размножаться решил. Пообрезать надо. Или нельзя? Юрич его сюда притащил — «воздух очищает» — пускай сам и ухаживает. И что он имел в виду: «воздух очищает»? С Юричем была одна напряженка: было непонятно, почему он не едет в свой Израиль. В то, как он это объяснял: «Это я здесь еврей, а там я русский» — я не верил. Мало ли, что у него там никого нет. У него и здесь никого. Какая-то причина есть, и надо ее знать.

За дверью послышались шаги, и вошел Юрич. Непроизвольно взглянув в окно — Витька смолил очередную сигарету, — спросил:

— Ты как зашел?

— Через дверь, — Юрич оглянулся на дверь и непонимающе уставился на меня.

— Я тебя уже полчаса у окна сторожу, как ты зашел?

— А, так я у бухгалтерши был. И должен вам, Сергей Николаевич, сообщить неприятное известие: ревизор к нам не едет, но отдел в универмаге прибыли почти не дает...

Сколько я помню своего управляющего, всегда одет так, словно бракосочетаться собрался. Только что без цветка в петлице. И вечно путается: то на «вы», то на «ты» обращается. А когда сообщит что-нибудь неприятное, начинает пальцами свой длинный нос тереть.

— Он такой и нужен, — перебил я его, — там все прозрачно.

Ревизора еще приплел, вечно у него какие-то закидоны. У него дома соседка убирает. Домохозяйкой работает. Он ей платит, а она выплачивает свой кредит. Я ему говорил, что мог бы и не платить, да и помоложе можно бабу найти. Еще не старый Юрич объяснил, что кредит — дело хорошее, пусть подольше платит. У него шутки такие бывают. Интересно, у всех евреев крыша не на месте или только у моего управляющего? Он ей даже цветы дарит. Объясняет, что за деньги жизнь не купишь, а за цветы — можно.

— Что с новым кафе? Ты уверен, что не пролетим? — конечно, пролететь могу я, но если прибыль будет, то ему зарплату можно добавить. Конечно, если прибыль будет. Да и смотря еще какая прибыль будет.

— Сергей Николаевич, ты же бенефициар¹, вроде тебя и нет, значит, регистрация по новой, и новая лицензия на алкоголь, СЭС² тоже не бесплатно. И ЕГАИС³ нужен: не будет нас в ЕГРЮЛе⁴ — штраф до двухсот тысяч. И налог поквартальный — сорок тысяч. Как сейчас считать? Надо подождать хотя бы месяца три, — он выжидающе смотрит на меня и опять трет свой нос.

А то я без него это не просчитывал. Хорошо, что на канализации сэкономили: к моему старому кафе подключили.

— У тебя родственники в Израиле есть? — неожиданно спрашиваю и наблюдаю за его реакцией. Юрич печально смотрит на меня.

— Ладно, ладно, — успокаивающе говорю я, — пошутил. У тебя в новом кафе как? Сегодня поеду проверю. И мотнись по точкам, проконтролируй. Если что — зарплатой наказывай. Может, кому-нибудь не нужна. Увольнять не надо: новые такие же будут.

А я в новое кафе наведуясь. С ним у меня свои планы. С государством в прятки играть сложно, но можно. Там тоже деньги делают.

Позвонил водителю:

— Василий Петрович, забери из дома мою жену... а, черт, она ж еще собираться будет...

— Да без проблем, я там подожду. Сюда потом?

— Да, дуй.

От Юрича много зависит, и он много знает, поэтому надо руку держать на пульсе. Что его тут держит? Я все равно докопаюсь.

Есть такие водилы: двадцать лет за рулем и все ямы на дороге ловят. Про Петровича такое не скажешь: Петрович дорогу чувствует. Раиса смотрела на идущих по тротуару людей. Внимательно смотрела. Смотри, смотри. Вот эти люди на тротуарах — это народ. И мы с тобой, Раечка, тоже народ, правильно? Интересное слово — народ. Вот если КПРФ победит, тогда народ сам себя станет раскулачивать? Или они гражданскую войну замутят? А может, никаких изменений и не было бы — у них не только с пролетариатом дружба.

А в жизни математика простая: все богатыми быть не могут, надо кому-то и богатства производить. Денежки просто так, ниоткуда, не появляются. А те, которые ничего не производят, а с бюджета деньги получают, потом в чей карман их перекладывают? А если такие, как я, не будут давать народу работу, то что с ним, с народом, будет? Нас только за это надо от налогов освободить. Свои, не чужие, отдавать приходится. Но покажите мне того, кто не любит деньги. Много не надо, одного покажите. И у красавиц тоже губа не дура. Раиса моя...

— Сергей Николаевич, приехали, — сообщил Петрович.

— Да, Петрович, это я задумался. Жди нас.

За прозрачным окном кассирша выписывала нам билеты. На стекле, на его внутренней стороне, прозрачным скотчем было закреплено небольшое объявление:

¹ Бенефициар — закон допускает оформление предприятия и счета в банке на псевдоруководителя, хотя фактическим владельцем всего (конечным бенефициаром) является другой человек. При таком варианте имеется больше возможностей для мошенничества.

² СЭС — Санитарно-эпидемиологическая служба.

³ ЕГАИС — Единая государственная автоматизированная информационная система.

⁴ ЕГРЮЛ — Единый государственный реестр юридических лиц.

«Вам предоставляется возможность пригласить в ваше купе одного из попутчиков: фокусника; гитариста-песенника; артиста театра; художника-портретиста».

Естественно, кассиршу я узнал. И сразу же стало расти раздражение. С билетом для Раисы неожиданностей не было — откуда ей было знать ее фамилию. Вот когда она раскрыла мой паспорт, ее голова дернулась, и наши глаза встретились. Но она быстро взяла себя в руки:

— Вагон шестой, седьмое купе, места шестнадцатое-семнадцатое. Платформа номер один, путь первый. Счастливого пути.

— Большое спасибо. Ну что, пошли? — повернулась ко мне Раиса.

Мы вышли на перрон. Конечно, Юричу я втык сделаю. Нечего было мою бывшую кассиром брать. Тем более что детей против меня настроила. Ну, ничего, деньги будут нужны — папу вспомнят. Я огляделся. Указатель сообщал, что мы находимся на платформе номер один и путь тоже номер один. Вагон номер шесть стоял прямо перед нами, и пока я его разглядывал, Раиса направилась к ларьку на перроне. И я опять полюбовался ее фигуркой. Нет, я все-таки не зря на ухаживание столько денег грохнул. Вагон какой был, такой он и остался, но здесь он воспринимался объектом из какого-то другого мира. Я вспомнил, что шторы-занавески Юрич потом отдельно добывал. Хорошо вагон смотрелся.

В бизнесе жена значит много. Если бизнес идет успешно, то и жена у бизнесмена что надо, а не старая калоша. Многие дела в бизнесе делаются на банкетах и других гулянках, и когда рядом с тобой такая красивая женщина, то «деловарам» экономить бывает неудобно. Ну и, кроме того, красивая, молодая жена — это престижно.

У нашего самого крутого банкира тоже жена Раиса, но он ее только по имени-отчеству, потому и отношение к ним соответствующее. И понимаешь, что те, у которых жены Ленки-Машки, стоят на ступеньку пониже. Раиса по имени-отчеству не захотела.

Я тоже подошел к ларьку — не мешает лишний раз проверить ценники. Некоторые продавцы хотят на мне зарабатывать. В этом ларьке торговала ее одноклассница Валентина. Или одногруппница? Она раньше работала в старом кафе — я ее помнил. Память на лица у меня хорошая. Правда, Валентину запомнить несложно — про таких говорят: «Чернявая такая, шустрая — да вы ее сразу узнаете, как увидите». Ну а как ее не узнать, если она полсекунды спокойно постоять не может? И челка у нее на лбу не лежит, а туда-сюда мотается: Валентина успевает и на часы глянуть, и на мужика на перроне, и маникюр свой проконтролировать, и список продуктов, в тележку сложенных, а мужику тому пялиться на нее нечего — не сам стоит. Кобелина. Вот так, незаметно, пара секунд и пролетит.

Я замечал, что Раиса радуется встречам с Валентиной больше, чем сама Валентина. Та была при встречах то ли чем недовольна, то ли чем обижена. Хотя чего тут непонятного: Раисе повезло со мной, пусть брак и гражданский, а Валька в своем ларьке сидит. У Раисы есть все, что она хотела. Оранжевую — пожалуйста, украшениями тоже побаловал, выставки ее картин — это еще проще. Сейчас, правда, она к этому охладела: последняя картина не продвигается. Как по мне, так нарисовала бы нападающего волка с открытой пастью, с зубами, а не луну над ночным лесом и нечетким воющим волком. Ну, я в эти дела не лезу. Жена-художница — это для имиджа тоже неплохо.

Я сфотографировал правую часть ларька, чтобы сверить ценники. У Вальки голос громкий, и не захочешь, услышишь:

— Ты представляешь, тут одни ребята с севера были. Приехали на юг греться, а билеты на зимний сибирский маршрут взяли. Во придурки, правда? Мой Андрей тоже, как приехал, только про север и разговоров. Как ты поживаешь? Как сыр в масле?

— У него отпуск уже? Я тоже хотела на север взять, но сказали — туда поезда не ходят...

— Да, пролетела птичка райская, как фанера над Парижем. Только юг Сибири. На Магадан ждэ еще делают, но у нас хватает и других направлений, — да любой каприз за ваши деньги, ноу проблем! — резко выбросив руками куда-то вверх все проблемы, которых нет, засмеялась Валентина. — Деньги можете вон там, в углу складывать, — она ткнула пальцем в сторону, — а уж капризы я вам обеспечу! — Теперь они уже хотали вдвоем, еще и потому, что кое-что было понятно только им — женщинам.

Пока Раиса болтала с Валентиной, я вышел на середину перрона и огляделся. Интересно было, как он сделал видимость остальных вагонов поезда? Понятно, что экраны, но выглядит реально. Молодец Юрич.

«Уважаемые пассажиры! Скорый поезд Москва—Минводы прибывает к платформе номер четыре...» — мне стало смешно, — какая платформа номер четыре, но запись передала и шум большого вокзала, и характерное эхо, и я начал ощущать странное, двойственное чувство. Начинаешь чувствовать какое-то беспокойство — и пока не сядешь на свое место... Я достал билеты. Шестнадцатое и семнадцатое... Чего это она дала верхнее и нижнее? Все нижние полки в купе нечетные. Хотя никого больше не будет, но все-таки...

«Уважаемые пассажиры! Начинается посадка на фирменный поезд Минводы—Санкт-Петербург! Поезд находится у платформы номер шесть. Нумерация вагонов с головы поезда. Отправление поезда...»

К вагону прошла группа молодых мужчин с тяжелыми пакетами. Явно пивом затапились. Я подошел к ларьку.

— Валя, где они пиво брали? — и тут же подумал: если я бенефициарный владелец, чего ж я высываюсь... Валька, зараза, и глазом не моргнула.

— А в нашем старом кафе и берут — думают, что тут, на перроне, дороже будет. Владимир Юрьевич сказал, что надо как раз тут сделать дешевле, чтобы народ на перрон привлекать. Мол, пусть присматриваются, может, заинтересуются.

А что это Владимир Юрьевич решил не своими деньгами распоряжаться, подумал я. Если не своими, то, конечно, не жалко. А мы это запомним и пока на полочку положим. До поры до времени. Может, еще поделится новостью, прежде чем деньги на ветер выкидывать... Мужики толпились у вагона — ждали проводницу. Проводницей была Валька: за полставки.

— Ну и сколько народу в день бывает? — интересуюсь я, мне это тоже знать надо не только со слов управляющего.

— По-разному, — отвечает Валька, — мне уже пассажиров запускать надо.

Из ларька сначала появляется тележка с товаром, а потом и сама Валька. У Вальки опыт: не зря она загрузила, кроме выпечки, напитков и сладостей, еще и ящик пива.

— Куда едем, мужики, — весело кричит она, — и что вам на месте не сидится? Билетики приготовили, не толпимся, все уедем! Помогаем хрупкой женщине поднять груз в вагон, для себя, для себя стараетесь!

И когда это Валька переодеться проводницей успела? Нет, Юрич молодец. Стоп. А откуда деньги на форму взял? Что-то не помню я в отчете такую строчечку...

Чуть в сторонке стоит пожилая пара, в руке у мужчины паспорта с билетами. На паспортах в свое время настоял я — так проще за сохранностью имущества следить.

— Поднимаемся, не задерживаем, — командует Валька, — поезд никого ждать не будет.

«Внимание! По второму пути проходит товарный состав! Вниманию проводящих: просьба покинуть вагоны пассажирского поезда Минводы — Хабаровск!»

Вслед за пожилой парой поднимаемся в вагон и мы с Раисой. В проходе вагона обращая внимание на занавешенные окна. Попробовал отодвинуть занавеску — не отодвигается. Надо спросить у Юрича почему. Слышно, как прогрохотал товарняк на втором пути. Из последнего, самого дальнего купе вышел плотный, среднего роста мужчина с большими залысинами и немаленьким животом и направился к шумному купе, похоже, там обосновались те мужики с пакетами. Я его узнал — артист, про которого Юрич говорил.

— Ребята, — артист остановился у открытой двери купе, — у вас есть чем пиво открыть?

Точно артист, восхитился я. Пиво он открыть не может. Тем временем в том купе внезапно все затихло.

— Нет, я все понимаю, — продолжал артист, — но в театральном этому не учили. Нас учили падать, умирать и смеяться, изображать чемодан и дождь, а вот пиво... Зубами мне нельзя, а о край стола тоже, знаете, неудобно...

Мы с Раисой еще не успели зайти в свое купе, а артист уже рассказывал мужикам и как изображать дождь, и что главное театральное действие происходит в театре за занавесом: именно там главные драмы и трагедии, предательства, интриги и романы...

— Вы знаете, что сказал Высоцкий Золотухину, когда тот решил играть вместо него Гамлета? — спросил артист, но потом, видимо, дверь задвинули, и артиста стало не слышно. Нет, артист не зря свои деньги получает. Мне и самому захотелось послушать.

Рая раздвинула занавески, и я увидел вокзал. Нет, одно дело обсуждать это все с Юричем и совсем другое видеть за окном проплывающий мимо вокзал и слышать стук колес. За окном замелькали перелески, чаще стали попадаться хвойные деревья — это явно был северный пейзаж. Куда Раиса брала билеты? Я вспомнил: за окном каждого купе свой монитор и свое видео. Как в том анекдоте: «До чего техника дошла: в одном вагоне в разные стороны едем». Еще, помнится, прикидывали: если дело пойдет, то и европейские записи надо будет добавить. Я достал телефон и набрал Юрича. Недоступен. Раиса внимательно глядела в окно. У нее даже глаза увлажнились.

— Ну как, нравится? — спросил я, но Рая продолжала глядеть в окно и лишь кивнула.

— Да, очень, — тихо добавила она.

«Станция Хани. Стоянка две минуты», — донеслось из динамиков.

В окне действительно была станция Хани. Во всяком случае, так читались большие синие буквы на сером здании местного вокзала. Чуть подальше виднелись пятиэтажные хрущевки. Их явно уже после Хрущева строили. А за выстроившимися в ряд пятиэтажками поднимался крутой горный склон, поросший редкими деревьями даже на пологой вершине. На склонах, где покруче, деревьям зацепиться было не за что, и на скальных обнажениях даже снега не было.

Послышался убыстряющийся стук колес, за стеклом поплыло здание станции, несколько контейнеров-пятитонников, выкрашенных в кирпичный и синий цвета и какие-то, видимо, складские, невысокие помещения, сложенные из бетонных блоков. На блоках очень крупными буквами было написано: «РОДИНА, ПРИНИМАЙ НАШ ТРУДОВОЙ ПОДАРОК!» Еще какое-то время мы наблюдали стоящие на подъездных путях два грузовых состава: один с цистернами ГСМ, а второй с безоконными вагонами, и опять потянулась смешанная негустая тайга с заросшими склонами невысоких гор и неглубокой, пенящейся бурунами речкой. Речка то бежала в одном направлении

с дорогой, то виляла в сторону, и через несколько километров, погуляв в тайге, возвращалась. Мелькали бетонные опоры электролинии, аккуратно выкрашенные голубой краской в нижней части, и редкие путевые будки, тоже голубые, но с белой широкой полосой во всю длину стены.

— А я помню, — тихо сказала Раиса, — я была маленькая, мы ехали отдыхать на юг, у нас куча вещей, а на вокзале неправильно объявили начало нумерации вагонов. Все сначала с вещами и детьми побежали к своим вагонам, а после второго объявления, — Рая закрыла глаза и покачала головой, — навстречу друг другу. С вещами и детьми. Представляешь? А мне кажется, я действительно еду, — она улыbnулась. У Раисы глаза темно-темно-карие, я еще когда-то хотел ей комплимент подготовить, но так и не узнал, на какой драгоценный камень они похожи, а потом уже и не надо стало.

Раиса грустно смотрела на оконный пейзаж. И вдруг я увидел бегущего зайца! Заяц неся по вырубленной полосе вдоль железной дороги, — тут же посвободнее, тут быстрее, — а потом рванул прочь от дороги, в лес. Поезд, как на взлет, взбирался на нескончаемый подъем, а далекий хребет-водораздел тоже становился выше, выше и величественней. Лиственницы при взгляде сверху казались маленькими, но только теперь можно было увидеть и ощутить всю бесконечность тайги, и весь наш поездный состав стал ощущаться незначительным и лишним.

Я вышел в коридор. Валькина тележка стояла у выхода в тамбур возле купе для проводников, а из предпоследнего купе в другом конце вагона слышался перекрывающий стук колес уверенный голос артиста:

— Мы в городке этом проездом были. Ну, не совсем проездом, одно представление мы дали. А давали «Грозу» Островского. Ну и как вы знаете, там героиня бросается в реку — и все. Но она же, героиня, на следующем спектакле тоже нужна будет! А у нас с собой столько груза всякого, одних костюмов — это ужас! Мы даже металлический лист с собой возили! Ну, а как ты стрелять будешь? Никого же не застрелишь без листа!

— А с героиней, с героиней что?

— С героиней? А! Для нее на месте матрацы искали, за маты в спортзалах договаривались, да... Ей больше перины нравились, но кто же тебе перину даст? А тут ничего не нашли. Ни-че-го! Зато нашли батут. А героиню эту — ей все время главные роли давали — предупредить... ну, ну забыли предупредить, бывает...

Да, артист этот свои деньги не зря получает, ребята еще на него придут. А что это Вальки не видать? Работница... Я и сам бы с ним пива попил.

— Кульминация! Зал замер! Она бросается с моста! В реку! И вылетает обратно... Там же батут! Она опять в реку — ей деваться некуда — роль! И обратно! Опять — с моста — и опять! И тут я говорю:

— Да, не принимает Матушка-Волга... Все наши уже лежат, а тут и зал с кресел сполз. Если бы вы знали, какой это был успех... А что, у нас пива уже нет?

— Викентьич, сейчас все будет! — в проход выскочил молодой парень. — Валенька-а-а!

У тележки появляется Валька. Она широко улыбается парню, — ну, когда ж вы уже нажретесь? — но это слышно только мне, а для парня громко:

— Иду, яхонтовый, на следующей станции еще затарюсь. Опять такое же?

Пропуская проводницу Вальку (у Юрича спросить надо — откуда форма), замечаю, что пиво в тележке одного сорта. Чего тогда спрашивать? На обратном пути ее останавливаю.

— Отдыхала, что ли?

Она какое-то время прокручивает ситуацию обратно и, взглянув в сторону своего купе, рапортует:

— Работала. Бабулька одна приходит с пирожками. Угощает меня пирожками своими и про свою жизнь рассказывает. Ей дома поговорить не с кем... Она на БАМе работала. Говорит, что сто сорок мостов и семь крупных рек... у нее и награда имеется.

— Билет берет? — перебил я ее, блин, опять прокололся. — А что, только один затейник работает?

— Берет. Там у пожилых трюкач этот, ну, фокусник, работает. Фокусы показывает. Говорит, вам со мной повезло: я честный человек, а раньше вас нечестные люди обманывали. Один раз посмотреть можно. Но я все не смотрела, — спохватывается Валька, — мне же работать надо.

— Фокусы какие показывает, — останавливаю я ее, — на картах, что ли?

— Не только на картах, — у нее загораются глаза, — он еще ленты из руки вытягивает и через стол монету проталкивает — вот так: трах монету об стол — и монету под столом в руку ловит. Он мне один фокус рассказал, как надо делать. Надо только купить несколько колод, повытаскивать с каждой колоды по тузу... Ой, я же обещала не рассказывать...

И ты дура, и фокусник твой такой же, думаю я. Возвращаясь к Раисе, попробовал дозвониться до Юрича — бесполезно.

Рая сидит, как сидела, и смотрит в окно. Она вообще последнее время какая-то скисшая. Поначалу она мне в большие деньги влетала. Выставка — это еще куда ни шло. Оранжерея... оранжерея я ей еще с самого начала обещал — пришлось потратиться. Но с оформлением особняка подожду. Дизайнериха — вот кто акула бизнеса! «Имидж фирмы должен вызывать доверие, поэтому надо думать не только о бюджете... Вам, солидному руководителю, подойдет стиль, нет, не фьюжн и не арт-деко — только классика и ампир — отличный вариант! Как вы понимаете, дешевые подделки здесь неуместны — это демонстрация престижа и вашего безупречного вкуса...» Как-ково?! Авторский надзор тридцать кусков, дизайн-проект за квадратный метр тысяча двести рэ — за двести двадцать квадратов сколько получится?

Лапшу на уши она мне вешала в офисе, и я потом еще несколько раз прослушал запись. Если диктофон не в кармане пищет, то запись качественная получается. Красиво работает: «дешевые подделки здесь неуместны».

Ее фирму по дизайну помещений Раиса в Интернете нашла и захотела оформить дом в стиле «современный интерьер». Я предполагал, что это недешевое удовольствие, но не настолько же... Только планы помещений, перепланировки, планы электропроводки, светильников — штук восемь планов — только за них надо отдать двадцать пять штук. За бумажки, срисованные с генплана.

Так что офис свой я сам оформлю, подешевле. Хохлов найму, и сделают. И санузел в офисе меня вполне устраивает, это в особняке Раиса в ванной размахнулась. Поначалу надоедала, спрашивала за всякую ерунду: «Как ты считаешь, столешница в ванной какая надежнее: из кварцевого агломерата, стекла или акрилового композита? Ты не против, если у нас в ванной и туалете все будет в красно-белых тонах? Слушай, я остановилась на черно-бело-сером оформлении, красное — это все-таки чересчур, ты не против?»

Получилось, конечно, красиво, но бабок вылетело немерено. С дизайном дома подождем пока. Бабки надо беречь. Если уж вкладывать, то в проекты надежные и иметь в виду, что двадцать-двадцать пять процентов — расходы, которые заранее не учесть. Я это по жизни знаю.

Когда-то Раиса сказала, что любовь бывает редко, а деньги нужны всегда. Впервые я увидел ее в ресторане и пригласил на танец. В этом ресторане я тогда бывал часто, пока наш банкир в нем столовался.

Они сидели за столом втроем: она и Валентина с парнем. Парень — с первого взгляда было понятно — не деловой. Он ехал куда-то работать, а Валентина и Раиса его провозжали. Я еще тогда спросил: за туманом едет или за деньгами? «А я еду, а я еду за туманом», — тихо напел я, а Рая подпела, поддержала: «За туманом и за запахом тайги». И мы с ней засмеялись, и мне понравилось, как она смеется. Нравятся мне ямочки на щеках.

Вообще, мне она сразу показалась: и фигурка что надо, и не скелет-вешалка для подиума, и блондинка настоящая — мне такие нравятся... Я еще тогда так удачно съюморил, что если кинуть на дорогу пачку денег, то все эти романтики передают друг друга. Да, вот как раз после этого Рая и сказала, что любовь бывает редко, а деньги нужны всегда. Насчет любви я ее разубеждать не стал, молодая еще. А то, как она сказала про деньги, мне понравилось. Как ни крути, а все равно придешь к тому, что деньги — это главное.

За стеклом неслось все больше снежинок, и я подумал, что все-таки хорошо быть в тепле.

— Знаешь, у нас говорят — метель, а на севере говорят — пурга. Если пурга, то сразу понимаешь, что снег везде, правда? Слова разные, а явление одно и то же...

Я осматривал интерьер купе и не понимал, почему этот вагон списали. Я видел действующие купе, которые выглядели хуже. Юрич рассказывал, что деповские итээры из списанных вагонов дачи себе строили. Доска-вагонка из вечной лиственницы — чего уж лучше...

— Метель от слова «метет», кажется, понизу метет, а вот и нет, — продолжала Раиса, — когда снежинки несутся горизонтально и выше двух метров над поверхностью земли — вот тогда это метель, а если низко — поземок. Вот какая я теперь грамотная.

Зазвонил телефон, сначала мой, а потом и у Раисы. Проснулся наконец-то, глянув на дисплей, подумал я.

— Юрич, ты где был, я дозвониться не мог, я сейчас в кафе и имею к тебе вопросы...

— Так я по точкам ездил, по пути в село не везде связь бывает. В селах надо сделать так: если берешь товара на пятьсот и выше, то минус стоимость билета до города и обратно. Вы как на это смотрите? Гитарист к вам пришел? У него под цыган здорово получается. Я Валентине Егоровне сказал, чтобы его к вам направила...

— Ничего поживаем, едем, за окном пурга воеет, у нас тепло, — отвечала кому-то Рая, — нет, мы вдвоем, пока никого. А мы зайца видели...

— Не гони лошадей, Юрич! Насчет денег мы потом перетрем. Ты мне скажи, форма проводницы откуда появилась? В отчетах такого не было, я помню. И еще: занавески почему не раздвигаются в коридоре? Я пробовал — мертво...

— Занавески и не должны раздвигаться — не вешать же и с другой стороны монитры, сам же давишь, чтобы дешевле было, а за два комплекта формы бесплатно договорился, они снашивать не успевали, им новую выдавали. Давайте в расходы внесу, чтобы в отчетности все в порядке было, деньги мне не помешают...

— Все, все, все, Юрич, молодец! Извини. Я тебя о чем хотел спросить... о чем я тебя спросить хотел...

В дверь постучали.

— Да, открыто, — крикнула Раиса, — входите.

Дверь отъехала, и в купе нарисовался нескладный хмурый парень — похоже, тоже из театра — лицо знакомое. Их там, молодых, много. Мне вспомнился треп толстяка-артиста: «Роли достаются не всем, а кушать хотят все». Гитара в его руке выглядела так, словно она ему мешала. И его «здравствуйте» тоже прозвучало нелепо и как-то не к месту. Нет, вот тот действительно артист, а этот так... бюджетник. Надо будет турнуть его отсюда, чтобы клиентов не распугивал...

— Я хочу, чтобы вы нам на гитаре поиграли, — не терпящим возражения тоном произнесла Раиса, а я даже от телефона отвлекся, ты гляди — какая королева проснулась. Правильно, с такими так и надо разговаривать. Я таких «бюджетниками» зову.

— Слушай, Сергей Николаевич, ты меня слушаешь или нет? Я тебя уже второй раз...

— А что, облезешь, если лишний раз спросишь? Ты говорил, хочешь сделать, чтобы вагон трясло? Это удовольствие сколько будет мне стоить?

Я почему-то вспомнил: в Америке в рельсах специально пропилили делали — для стука при движении поезда. Американцы — они и есть американцы. У нас двойную работу делать не будут.

— Пиво, напитки, конфеты, печенье, — послышался Валькин голос — вот это голова — и глухой услышит, — журналы, кроссворды, бижутерия, киндер-сюрпризы...

— Обожди, Юрич, пиво возьми. Валя! — крикнул я в дверь, и дверь сразу отодвинулась, словно с той стороны только и ждали — Валька сама как киндер-сюрприз:

— Что желаете? Есть...

— Стой, не кричи, — успел я, — одно пиво...

— Вам открыть сейчас или сами потом? — Нет, Валька все-таки вѣдєрга порядочная. — А ты чего не работаешь, паши давай! — Это она уже этому гитаристу. Да, надо Юричу сказать, чтобы он ее начальником над затейниками поставил. Пусть свои полставки отрабатывает...

Парень с таким видом «двум смертям не бывать, а одной...» уселся на мою полку и, прилаживая поудобнее гитару, мягко провел ладонью по ее боку. Это выглядело так, словно он погладил ее, как собаку. Видимо, это было неожиданным и для Раисы, и она непроизвольно провела ладонью по столику — тоже погладила. Бюджетник после первого же аккорда стал чувствовать себя намного увереннее:

Природа душ не терпит пустоты,
Нам снится то, что больше беспокоит.
И вот из вертолета вышла ты
В мою тайгу — приснится же такое...

Парень смотрел на проплывающую мимо окна тайгу и то ли пел, то ли рассказывал:

А мне бригада дарит выходной,
И я, с мелкашкой по хребту гуляя,
Гляжу на мир — тут мир зовут тайгой —
Вон там, иголкой, наша буровая.
И там ребята — лучше нет ребят.
Они решили: мне жениться надо.
А в отпуске, как сами говорят,
У жен упрек: «Тебе родней бригада!»

Дверь немного отодвинулась, и в проеме нарисовалась Валька. Взглянув на парня, показала мне, приподняв повыше, два стакана чая в подстаканниках — не желаете? Я указал на пиво.

Из коридора послышалось залихватское: «А я еду, а я еду, за туманом!» Видимо, с открытой дверью поют, подумал я. Романтики в тумане. Артист за этим следить должен. Штрафануть, может? Или Вальку? А потом говорят: богатых у нас не любят. А я вас люблю? Пахать надо, чтобы денежка была. Я когда из Орла какао-порошок возил, вы на диванах задницы грели! Так еще и кривились: «Ах, если бы иностранное,

импортное...» Фасовали, конечно, на орловской кондитерской фабрике, но где у нас какао растет, не скажете? А когда я из Барнаула костюмы мужские возил — и не черные-серые, а разных цветов-оттенков — а вдруг бы не раскупили? На костюмах хороший навар был.

С зерном, конечно не сравнить. Зерно — это уже другой уровень. Но мы с директором совхоза еще по службе в армии друг друга знали, и все было в документах как надо: урожай у совхоза выкупается, хранится там, где и был, машинами оттуда же и вывозится на мельницы. Все по закону: договор на аренду помещений имеется, документы на покупку и продажу зерна в порядке, налоги с указанных на бумаге циферок выплачены — что не так? Главное, делиться надо. Вам кто не дает зарабатывать? Хотите зарабатывать — зарабатывайте! Правительство частный бизнес поддерживает, а если кому в частном бизнесе не нравится, ищите другую работу — у нас безработицы, считай, и нет — всего-то пять процентов... Работы навалом — вперед. Только хорошо ищите.

Тайга по-женски дарит красоту,
В любом наряде выглядит красиво,
Я снова за снегами вижу ту,
Которая об этом не просила...

Запиликал телефон: совсем я забыл про Юрича... Раиса смотрела на парня, и было не понять, то ли слушает она его, то ли о чем своем думает... Я нажал на кнопку приема. Парень продолжал:

Иду домой пустой — пускай поржут.
Жалеешь, скажут, фауну, мазила.
А я поеду в отпуск и скажу —
Все ей скажу: бригада так решила.

Глотнув пива, ответил:

— Юрич, отвлекся я тут, ты мне скажи, тряска вагона во сколько выльется?
— Механику для тряски с мельницы возьмем, они же муку сеют, но резинки-амортизаторы долго не выдерживают, надо будет менять. Как тебе новое кафе? Да, Сергей Николаевич, не хотел сразу говорить, но еще заплатить придется... Как вы понимаете, аренда...
— За какой хрен?! Юрич, ты в своем уме? То, что снаружи во дворе под вагон место заняли — это все равно мое кафе и моя территория — расширил только! Втянул ты меня в это дело... и трясти вагон — это лишнее! Не надо! Лишнее!

«Стоянка две минуты», — сообщил динамик.

Я отключился и, споткнувшись о ботинок этого неудачника, вышел в коридор. Певец хренов. Лучше бы анекдоты рассказывал. О, а насчет анекдотов это мысль... Хотя еще вопрос, будет ли этот проект выгоден. В коридоре появились два пожилых мужика. Идущий первым кособочился, стараясь на ходу обернуться, и, размахивая руками, громко объяснял:

— Мы же заранее к его дню рождения подготовились, ну, само собой, поздравили хорошо, ну а потом — что? Нет его! В одну сторону дороги глянули — Кольки нет, в другую — тоже одни рельсы блестят! Кричим — а кругом тайга, сам знаешь! А он в яму залез и заснул. А мы орем: Колька-а-а! Мы же опоры, ну, столбы бетонные для ЛЭП в ямы ставили! Метр сорок на метр сорок и четыре с половиной. А ямы мы знаешь,

как делали?! Там же мерзлота ниже начинается! Хорошо, что выкопали неглубоко. А он там, понял! — восторженно кричал мужик в стоптанных кроссовках и даже потыкал пальцем вниз. — Думали, капец имениннику — ведь мерзлота, а ему хоть бы хны! Сейчас посмотришь на наши опоры. Стоят как миленькие! Я тебе наш участок покажу... Между прочим, самый высокий участок дороги — выше нет.

Мужики зашли к себе. У него обувь разваливается, а он пришел на столбы любоваться. Мужик в кроссовках вышел в коридор и, коротким жестом выставив раскрытую ладонь в купе: «не волнуйся, я угощаю!», направился к Валентине. Стук колес учащался, поезд набирал скорость, «угощатель» прошел обратно, прижимая к груди четыре бутылки пива. Я подошел поближе к купе этой двоицы. Слышен был уже другой голос:

— Вы-то опоры свои ставили когда? А мы первые шли. Мы трассу прокладывали. А если горка или яма, то корректируем направление. Меняем трассу. А если крутой поворот — поезд так не повернет, — то опять деревья валим. Иногда по три раза трассу меняли. Я не знаю, как вам платили, а у нас со всеми накрутками — безводных, правда, не было — на руки четыреста, а остальное проедалось там же.

Дальше я слушать их не хотел. Герои. Мечтали сделать скорей. Совки задуренные. Нормальные оттуда давали деру без всяких документов. На плотях сплавлялись. Вас, таких идейных, и сейчас по БАМу много пооставалось. Я оттянул шторку окна в коридоре. Конечно, там все было по-прежнему, и Валькин ларек стоял там, где и должен был стоять. Столбами они пришли любоваться. Бамкнутые на все голову. Бам-кну-ты-е. Могли бы и дома пиво попить. Я вызвал Юрича.

— Слушай, сюда не мешает еще анекдотчика найти. Анекдоты — это беспроигрышно будет. Я тут побыл, присмотрелся. Люди идут. За что еще платить?

— Так ведь не твое кафе на твоей территории...

— Как не мое? А... ну и что дальше?

— Так за аренду платить надо....

— Кому платить, у тебя что — крыша поехала?

— Вот вы себе платить и будете. Договор об аренде помещения — нужен? Нужен. Значит, и квитанция об оплате пусть будет.

— Ладно, уговорил.

Что-то эта затея мне переставала нравиться. Может, он и не едет в свой Израиль, потому что одну ниточку оборви — и кафе... Но пока оно прибыль не приносит, а потом я ему случайно сообщу, что право владения оформлено уже не на меня. Черт возьми, а на кого? Из-за этой мысли я на какое-то время застыл перед дверью своего купе. Гитарист-бюджетник пел, приглушенно звучала гитара:

Судьба водит не теми дорожками,
С ней удача никак не подружится.
А на фото та козочка с рожками —
Напилась, наверное, с лужицы.

А действительно, на кого? Подкатила Валька со своей тележкой — изображает активность, не иначе. Унюхала, кто тут хозяин. Почему-то все стало раздражать. И вагон этот старинный, сейчас такие уже не выпускают, и все эти бамкнутые...

— А что — они все билеты только на БАМ берут?! Что больше никаких других направлений нет?!

Валентина опешила:

— Почему только на БАМ? Эти пожилые хотели взять до Киева, но до Киева видео-записи нет, так они взяли до Воронежа — у нее там бабушка жила — я слышала. Она к ней на каникулы ездила. Я тоже к своей бабушке...

Я отдернул дверь-каталку вправо:

— Все, хватит! Закончен концерт!

Бюджетник, словно извиняясь, развел руки в стороны, встал и вышел. Раиса смотрела на меня. Я подошел к столику, допил пиво.

— Все, пошли. Поехали домой.

Джип заурчал сразу, как только вышли на улицу. Юрич убедил, что престиж значит много, но этот престиж столько бензина жрет... Хотя не на велосипеде же мне ездить. Усадив Раису сзади, сам сел впереди, к Петровичу поближе.

У моей бабули штук пять икон было. Одна, маленькая, в серебряном окладе была. Может, она и не знала, что оклад серебряный, но пропажу иконки заметила. Бабуля простила бы потом, конечно. Не успела.

— Водила Влада интересовался, как у вас дела идут, — подал голос Петрович. Петрович свой, он сыном крепко привязан.

— Ну, а ты?

— А я говорю, молчит, как сыч, вечно чем-то недоволен.

— Правильно, Петрович, ты так и говори.

Влад держал хозяйственные магазины. С железками удобно: не испортятся, хоть сто лет лежать будут, и отапливать их не надо. Это тебе не фрукты. Хотя и фрукты сейчас другие. И не портятся, и жрут их только люди. А насекомые не хотят. Но на продуктах навару больше. Кушать хочется всегда.

Какая-то мысль не давала покоя. Что-то я упустил. Про форму проводницы я узнал, про снижение цены на пиво — это не сейчас, это я помню. В Архиповке надо продавщицу предупредить — в будущем пусть сначала советует, прежде чем заявление писать. А чего это вдруг Вальке еще полставки платить? За что? Она же в своем ларьке не работает, когда в вагоне ошивается... а в ларьке в это время кто? Ларек должен все время работать, пока вагон работает. Будет толк — старое кафе прикрою и на его месте... Качнуло. Так. Приехали уже.

— Петрович, завтра, как обычно.

Пока шли по гравийной дорожке к дому — когда я ее уже забетонирую, — пришла толковая мысль. А что: спальные места есть, можно еще и ночлежку сделать, а? Завтра Юричу дам задание. Раиса пошла к себе, а я еще долго не спал. Надо проверить, не зря ли уборщица деньги получает. А то Раиса с ней запанибрата общается, тоже мне — подругу нашла. А я Раисе скажу, что если где пыль найду, то... Вот пускай Раиса ее и контролирует. Все должно приносить прибыль. А ведь если ночлежка, то я конкурент гостинице получаюсь. Надо это дело прозондировать. И уже засыпая, вспомнил, как Раиса приказала этому убогому петь — молодец, привыкает к своему положению...

Проснувшись утром, еще долго лежал с закрытыми глазами. Перевернувшись на спину, открыл глаза. Вот так, лежа и глядя в потолок, мне нравилось продумывать свои действия на день. Что-то я вчера упустил. С бухгалтершей сегодня надо посидеть, разобраться за этот месяц. Затейники, Юрич сказал, в копейки обходятся — мол, им самим интересно себя показать. Артисту лысому можно и не платить, разве чуть-чуть — он и так ходить будет. Да и Юричу самому интересно довести этот проект до ума. Сколько, он сказал, клиенты за гостя-затейника доплачивают? Артист этот лысый, похоже, сам вчера напросился. Ухарь.

Вот что нужно: прибыль за последние три дня минус затраты... хотя дело новое — всего три дня и работает — рано. Я резко взмахнул выпрямленными ногами и вывел себя

в вертикальное положение. Тяжеловат стал, худеть надо. Вообще-то, давно уже худеть надо. Да и за Раису не надо забывать.

Сунув ноги в шлепанцы, а телефон в карман халата, пошел в ванную. Ванная выглядела, конечно, круто. И была она не черно-серо-белая, как вначале хотела Раиса, а светло-серая и белая, с широкой, под золото, полосой в мелкую клетку над ванной. Хорошо смотрелась. Хотя кто ее видит. И пока чистил зубы, вспоминал рекламу зубных щеток и зубной пасты. Туфта на постном масле. Я и простой, не электрической щеткой почищу зубья не хуже, а, скорее, лучше. И паста во рту меньше минуты находится, прополоскал и выплюнул. Толку от ее навороченного состава. На лохов реклама рассчитана.

Побрившись, пошел к выходу и остановился. И обернулся. Фигурная ванна с ручкоятками по бокам и золочеными краниками... Прозрачный пластик, ограждающий душевую кабину, — тут тоже вроде все так... два унитаза: один с краником, краник тоже с напылением под золото — я не мог понять, что не так, но я привык себе доверять. Большая раковина, которая выглядела как громадная белая утятница, белый шкафчик на стене возле раковины... Я открыл шкафчик.

Вот оно что: когда ставил свою зубную щетку на место, не обратил внимания, что второй щетки нет. Она их регулярно меняет на новые, но сразу обе. Ну, со щетками она и сама разберется, моя на месте, и ладно. Утром мы общаемся редко, но я все-таки пошел к ней. Сразу не разберешься — и будет это потом занозой сидеть.

В спальне ее не было. На столике у кровати лежал лист белой бумаги. И на нем наискосок, крупно: «Я ушла к Андрею». Какой еще Андрей? Как его зовут, этого деда с оранжереи? Нет, с оранжереи я еще раньше уволил — и без него все растет, — пусть уборщица поливает. К охраннику с утра пораньше? Я позвонил охраннику. Он со своей собакой приходит дежурить, Раиса ее подкармливает.

— Да, Сергей Николаевич, доброе утро!

— Раиса у тебя?

— Нет. Она еще вчера вечером ушла и не возвращалась.

Он еще не договорил, а я кинулся к шкапулке. Серьги, кулон и пара колечек — на месте. Цепочки не было. Нет, цепочка с крестиком — они у нее и раньше были. И я вспомнил. У меня хорошая память на лица — я вспомнил! Я вспомнил этого гитариста! У Раисы был небольшой такой фотоальбомчик-книжка, и на одной из фотографий хотали Валька с Раисой, а между ними стоял Валькин брат. Повернув голову к Раисе, он улыбался, а правой рукой, пальцами, сделал ей рожки. Романтик хренов. Певец долбаный! «А на фото та козочка с рожками...» Уволю гада! На стеклянной полочке альбома, конечно, не было. Неделанная картина в подрамнике с воющим волком лежала в углу. Чего вдруг? Я же для нее... И хохлов бы нанял... Конечно, это не потеря, это заменить несложно. Но я все равно докопаюсь — чего ей не хватало... Я все равно докопаюсь...